

G.N. Shumkin

Features of the Class Structure of the Frontier of the Russian Empire in the Middle of the XIX Century

Shumkin Georgy Nikolaevitch, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: shumk@mail.ru.

Abstract. *The paper attempts to highlight the specifics of the social and legal structure of the frontier territories of Russia in the middle of the XIX century. It is concluded that the Cossacks and inorodtsy can be considered as sufficiently reliable markers of the frontier. The boundaries of frontier territories are determined by the localization of these social groups.*

Keywords: *frontier, social groups, Russia, Cossacks, inorodtsy.*

УДК 94(470.5+57)

А.П. ЯРКОВ¹

МУСУЛЬМАНЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ (XVI–XIX века)

Аннотация. Автор в статье рассматривает вопрос о преодолении административных границ через преодоление этнокультурных различий между живущими по обе стороны Уральских гор группами мусульман. Анализируемый период — с XVI по XIX в. — характеризуется как завершением этнических процессов среди тюркского и угорского населения (объектов изучения), так и формированием конфессионально ориентированного сознания. Ярко проявившаяся (иногда стимулированная реформами) в этот период общность мусульман Урала и Сибири продолжает оставаться «фундаментом» в их современных отношениях, объединяемых приверженностью к традиционному исламу и неприятию радикализма, разрушающего умы и умму.

Ключевые слова: Урал и Сибирь, XVI–XIX в., административные и политические границы, этнокультурные контакты.

Уральские горы, сток рек на запад или на восток — не разграничение на европейскую и азиатскую культуры. Эта зона активных

¹ Ярков Александр Павлович — д-р ист. наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень; e-mail: ayarkov@rambler.ru.

взаимосвязанных процессов, где «строительство» и оформление этнорелигиозного сознания проходило с различной длительностью и связано с многими первичными (в рамках континентальной истории) и вторичными (на уровне микрогруппы) факторами.

Только при В.Н. Татищеве утвердилось представление об Урале как границе Европы и Азии: в 1708 г. при определении территории Сибирской губернии ее западная граница проходила у Вятки (лишь в 1727 г. исключили Вятскую и Соликамскую провинции). К Сибири до 1920 г. административно относился и Северный Казахстан, где татары и башкиры играли активную роль в жизни создаваемых ими приходов, включая кочевников в орбиту исламской цивилизации.

В рассматриваемый период основными приверженцами ислама в этом пространстве являлись башкиры, татары — казанские и сибирские (с включением угорской составной), казахи, мишари и тептяри, где (у части из них) еще не завершился процесс формирования этно-сознания. Да и в статистических документах в дореволюционные годы (как и в первое десятилетие советской власти) фигурировали этнически неопределенные «татаробашкиры» и «киргизы», использующие «татарский», «тюрко-татарский» или «киргизский» языки. А вот конфессионим у тюрков был четким — магометане или крышены. Но и по этой позиции шла борьба. Как заметила С.Ю. Белорусова: «...этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особости: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — на их отличии от русских казаков» [1, с. 52].

В древности по просторам Дешт-и-Кипчака кочевали тюркские и угорские племена, свободно пересекая Уральские горы. Здесь находится часть этнических «корней» многих современных этносов Европы и Азии, что нашло отражение и в языке. Например, «башкурт» выступал в ряде случаев как название тугума для кочевого населения [2]. Да и современные татары этого региона происходят от различных групп: казанских и сибирских татар, башкир, угров и других. И, как следствие, иногда разделялись на две общины, даже живя в одном селении.

Природно-хозяйственные условия повлияли на обрядовую составную мировоззренческих представлений. Например, башкирские племена Месягутовской лесостепи даже в похоронных обрядах «по-мусульмански» отражали архаичные установки [3].

Кочевники на р. Тобол, опираясь на предания, утверждали, что джиди-ру — это потомки казахов, «с весьма давних времен перешедших из Сибири через Урал» [4, с. 188]. Однако достоверность этих сведений не подтверждена. Возможно, это лишь легенда, которая «исторически» закрепляла в сознании поколений право на пастбище как жизненный ресурс.

По мнению Г.Н. Чагина в XIV–XV вв. в среду угорского населения Восточного Урала проник ислам как следствие устоявшихся горизонтальных связей в регионе [5, с. 24]. С другой стороны, важно обратить внимание, что в сачара (шежере) племени табын рассказывается о табынцах, во второй половине XV в. проживавших в окрестностях «Чимгатурина» (Цынгы / Чинги-Туру), которые бежали на запад к племени мин из-за «огорчения», нанесенного им местными правителями. Г. Чокрый в родословии кара-табынов вообще указывал на смешение табынцев с уграми, которые сами «не имели религии», где, скорее всего, имелся в виду ислам.

Нахождение Урала и Сибири в составе Золотой Орды было важным фактором этнического и социокультурного строительства, хотя принятый элитой ислам не стал еще религией масс. Эта религия внедрялась различными мерами, в т. ч. через торгово-экономические контакты — первый уровень диалога культур. Наряду с Меховым путем (Северный Урал) существовали другие трассы, по которым, например в Чердынь (Пермский край) и на Барсову гору (около Сургута), попадали иранские и арабские монеты, произведения декоративно-прикладного искусства.

Пересекавшие Урал и Сибирь Транссибирская магистраль и Сибирский тракт стали не только транспортными линиями — до 1930-х гг. они являлись основным коммуникативным широтным «коридором» (в отличие от многовекторного — европейского). Эти трассы стали одновременно линейными инфраструктурными аттракторами расширения самой уммы — на восток. По ним же проходил диалог культур, захватывая и мусульман. Но не все из пришедших в край новаций принималось. Так, Хисамутдин бен Шарифутдин Муслими писал, что некий ишан болгарин Идрис Зу'л-Мухаммад-углы был послан из Яркенда к населению Булгарского, Тобольского, Уфимского, Казанского и Симбирского краев для распространения суфизма [6].

Другая версия этого события гласит, что он с позором и побоями был изгнан из Уфы [7], по-видимому, по причине разногласий в понимании традиций, распространенных как среди башкир, так и сибир-

ских татар. Опора на адат и (реже) шариат решала (и не всегда) лишь проблемы элиты.

Территория Урала и Сибири в XVII в. делилась на разряды, но административным центром края являлся Тобольск. Власть тамошнего главного воеводы в ряде случаев распространялась и на территорию Урала, постепенно (через поставленные острожки и городки) расширяя там российское присутствие.

Определенные Уральскими горами границы и конфигурация уездов постоянно менялись, но не разделяли единоверцев. Так, ранее часть населения Верхотурского уезда входила в состав Сибирского воеводства, а территория (ими населенная) административно считалась «пригородком» Тобольска. Жившие в Подгородной волости угры исповедовали ислам, а русские называли их татарами. Причина в том, что подвергшиеся насильственной христианизации (в 1729 г. пройдя по маршруту Тобольск — Пелым — Верхотурье миссия Филофея приобщила к «святым тайнам» более 2 тыс. угров и тюрков) приняли «чужое», тогда как иные остались мусульманами, но иронично обзывались «иштяками». Таким же эктонимом именовали и часть восточных башкир.

В составе Сибирской губернии было население западных предгорий до Вятки. Татары — жители Уткинской волости и башкиры-терсяки, расселившиеся в двух волостях вверх по Чусовой реке и отчасти в волости «в поле над Аятом озером» с 1781 г. вошли в состав Пермского наместничества. Оно вместе с Тобольским составляло одно генерал-губернаторство, формируя у властей одинаковые принципы отношения с мусульманами. Тем более что в исповедании ислама по разные стороны Уральских гор было много общего. Опираясь традицией (как способом организации социального опыта) отсчета предков «до седьмого колена», ислам там привел в действие механизмы сознания, опирающегося на авторитет предков.

Родовая принадлежность стала для индивида способом отделения от «других» и проявлением лояльности к власти — на основе исполнения заветов Аллаха. При этом самоидентификация мусульман определялась не административными границами и политическими событиями, а групповым «ответом» (рефлексией) на них, состоянием и устремлениям общества («закрытом» — традиционным). Этим определяется и разное отношение к призывам имамов к борьбе против «неверных». Так, Батырша призывал к созданию мусульманского государства: «Сие благословенное писание мусуль-

манам, живущим по Сибирской дороге, дабы они, прочитав его, остались беззаботны и были готовы к заветному делу» [8, с. 123].

Призыв отражал мнение тех, кого (казалось) можно объединить для противопоставления власти. Но большая часть мусульман Урала и Сибири восставших не поддержала. Более того, опираясь на верность присяге служилых башкир, тюменский мурза Сабанак-второй Кульмаметьев в 1756 г. участвовал «на пограничных Сибирских линии со вверенною ему командою усмирения бунтующих тамо башкирцев».

Основание для подобного отношения к живущим по другую сторону Уральских гор — обыденное мнение, что жители Пышминской и Исетской волостей Тюменского округа (впоследствии Сингульская татарская волость) есть башкиры. К тому же и Г.Ф. Миллер называл их уфимскими пришельцами [9]. К тому же, ощущая себя татарами «бывшие башкиры» — переселенцы из Терсяцкой волости Пермской губернии — просили в 1798 г. подселить их в юрты Нижне-Ингалские Ялуторовского округа. Переселенцы выдвигали в качестве основания тезис, что там имелись их родственники и единоверцы.

В XIX в. ислам развивался по двум «сценариям»: в сибирских районах традиционного распространения доминировали сельские приходы; на Урале появились приходы на приисках и при заводах, где формировалась иная среда (там соседствовали и переплетались традиции различных мест исхода), к концу столетия усложненная: а) противостоянием кадимистов и джаидов; б) ссылкой осужденных за преступления против религии или власти. Облик формирующейся урало-сибирской уммы — отражение не только духовных традиций коренных мусульман, но и особенностей исповедных практик приезжих, расселенных по всему пространству края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белоруссова, С.Ю.** Православная идентичность нагайбаков [Текст] / С.Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. — 2017. — № 3. — С. 49–56.
2. **Исхаков, Д.М.** *Идел-Урал буе һәм Себер татарларынын этник тарихларындагы уртаклыklar* (Болгар, Алтын Урда хэм Татар ханлыклары чорлары) [Текст] / Д.М. Исхаков // *Мирас*. — 1998. — № 3.
3. **Гарустович, Г.Н.** Особенности мусульманской погребальной обрядности башкир в эпоху позднего Средневековья [Текст] / Г.Н. Гарустович // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всерос. науч. конф.* — Челябинск, 2015.

4. *История и культура сибирских татар: с древнейших времен до начала XXI века [Текст]: Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ / [Д.М. Исхаков, Ю.С. Худяков, Н.Б. Крыласова и др.] — Казань, 2014.*
5. **Чагин, Г.Н.** *Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века [Текст] / Г.Н. Чагин. — Пермь, 1995.*
6. **Кузеев, Р.Г.** *Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения [Текст] / Р.Г. Кузеев. — М.: Наука, 1974. — 571 с.*
7. **Пекарский, П.П.** *Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? [Текст]: Ист. разыскание акад. П.П. Пекарского / П.П. Пекарский. — СПб.: тип. Акад. наук, 1872.*
8. **Хусаинов, Г.Б.** *Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне как историко-литературный источник [Текст] / Г.Б. Хусаинов // Южноуральский археографический сборник. — Уфа, 1973. — Вып. 1. — С. 122–124.*
9. **Миллер, Г.Ф.** *История Сибири [Текст]: в 2 т. Т. 1. / Г.Ф. Миллер. — М.; Л., 1937.*

A. Yarkov

Muslims of the Urals and Western Siberia in Political and Ethnocultural Contacts (XVIth – XIXth century)

A. Yarkov, Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University; e-mail: ayarkov@rambler.ru.

Abstract. *The author of the article addresses the issue of boundaries through overcoming cultural differences between people living on both sides of the Ural mountains, groups of Muslims. The period covered is from the 16th century and 19th century is characterized as the completion of ethnic processes among the Turkic and Ugric population (learning objects), and the formation of religiously oriented consciousness. Vividly manifested (sometimes driven by reforms) in the analyzed period the commonality of the Muslims in the Urals and Siberia remained the «cornerstone» in their modern relationships that combine commitment to traditional Islam and rejection of radicalism destroys minds and Ummah.*

Keywords: *Ural and Siberia, XVI–XIX-th centuries, the administrative and political boundaries, Cultural contacts.*